

Легенда о швейцарском рае. 14. Николай Гоголь: «Всё виды да виды, так что мне уже от них наконец становится тошно...» | La légende du paradis suisse. 14. Nikolai Gogol : « Pour finir, tous les paysages me donnent la nausée... »

Author: Наталья Беглова, [Женева](#) , 30.10.2020.

Моллер Ф. А. Портрет Н.В. Гоголя, начало 1840-х гг. Государственный Русский музей

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа.

|

Nous continuons la publication d'une série d'essays de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de *Nasha Gazeta*, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 14. Nikolai Gogol : « Pour finir, tous les paysages me donnent la nausée... »

С легкой руки Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского Швейцария предстала перед русским читателем как страна прекрасной природы, где к тому же люди сумели создать достаточно справедливое общество. Мы уже говорили о том, что они внесли значительный вклад в развитие «швейцарской легенды». Начиная с середины XIX века можно констатировать два противоречивых подхода в отношении русских к Швейцарии: одни продолжают укреплять «швейцарский миф», другие пытаются его разрушить. Все больше путешественников, приезжая полюбоваться на альпийские пейзажи, считает должным сообщить о скуке, которую они на них навевают.

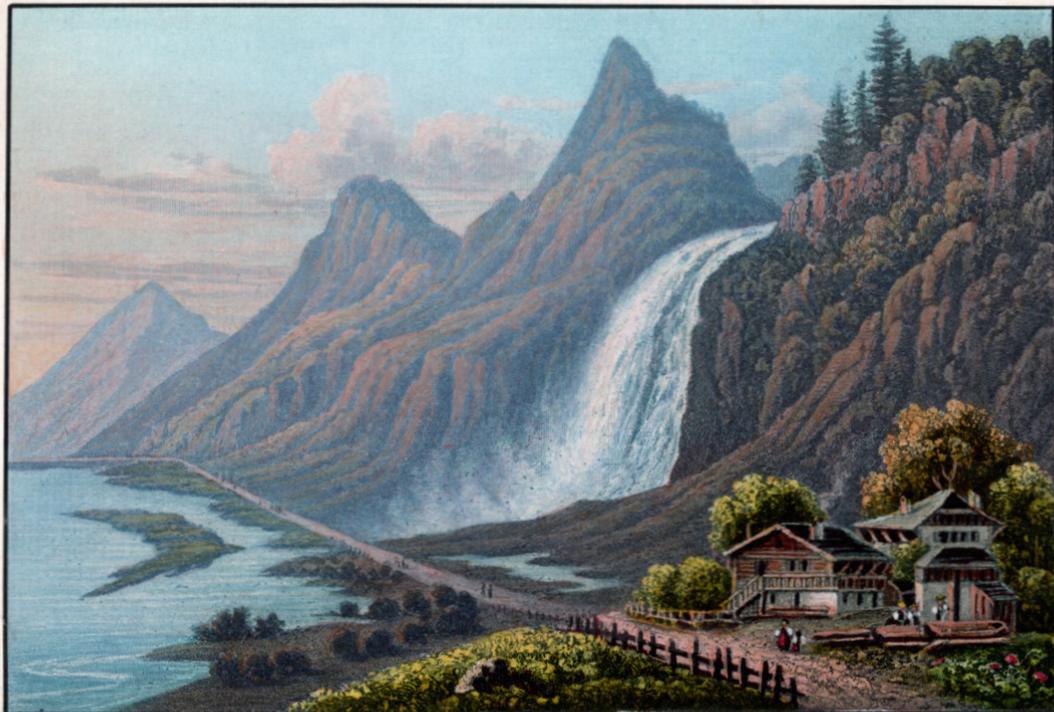
Становится даже модным демонстрировать некоторый скепсис в отношении здешних красот. Среди тех, у кого эта страна вызвала мало энтузиазма, был Николай Васильевич Гоголь, что не помешало местным властям согласиться на установку памятника ему.

Гоголь приехал в Швейцарию в августе 1836 года в тяжелом состоянии после премьеры «Ревизора», состоявшейся весной в Петербурге. Пьеса произвела сильное впечатление на публику, но автор был недоволен постановкой, игрой актеров. Его задело также появившиеся в печати критические отзывы. В итоге он неожиданно для всех едет за границу.

Поначалу Швейцария и ее природа очаровывают Гоголя. В одном из первых писем к матери Николай Васильевич в радужных тонах описывает впечатления от поездки, и мы находим в них то, что вполне соответствует «швейцарскому мифу» - восхищение швейцарской природой: «Уже около недели, как я в Швейцарии; проехал лучшие швейцарские города: Берн, Базель, Лозанну и четвертого дня приехал в Женеву. Альпийские горы везде почти сопровождали меня. Ничего лучшего я не видывал. Из-за синих гор вдали показываются ледяные и снеговые вершины Альп. Во время захождения солнца снега Альп покрываются тонким розовым и огненным светом. Часто, когда солнце уже совсем скроется и всё уже темно, всё блестит, горы покрыты темным светом, Альпы одни сияют на небе как будто транспарантные. Передо мной Женевское озеро, которого воды кажутся бирюзового цвета, и Рона, которая здесь сливается с озером. Женева очень хороший город и называется уголком Парижа».

Правда, уже в этом письме Гоголь не удержался и добавил минорную ноту: «Зимы здесь везде почти дурны, то есть они довольно теплы, но дома очень холодны. Печей нет: каминны очень худы». Письмо заканчивается чрезвычайно трогательно: «Прощайте, почтеннейшая маминька. Цалую ваши ручки, остаюсь вечно вашим признательным сыном».

Надо сказать, что и другие письма к матери изобилуют выражениями любви и почтительности. Это неудивительно: между Марией Ивановной Гоголь и ее первенцем была очень тесная духовная связь, именно от матери Николай Васильевич унаследовал впечатлительность и нервический склад характера. Любовь Марии Ивановны к сыну не знала границ, но и он трогательно относился к матери. Об этом говорит и то, насколько часто он писал ей, как подробно рассказывал о своей жизни.

Pissevache
route du Simplon, en Valais.
Zurich chez R. L. Honemann, Peintre, Bâle, No. 353.

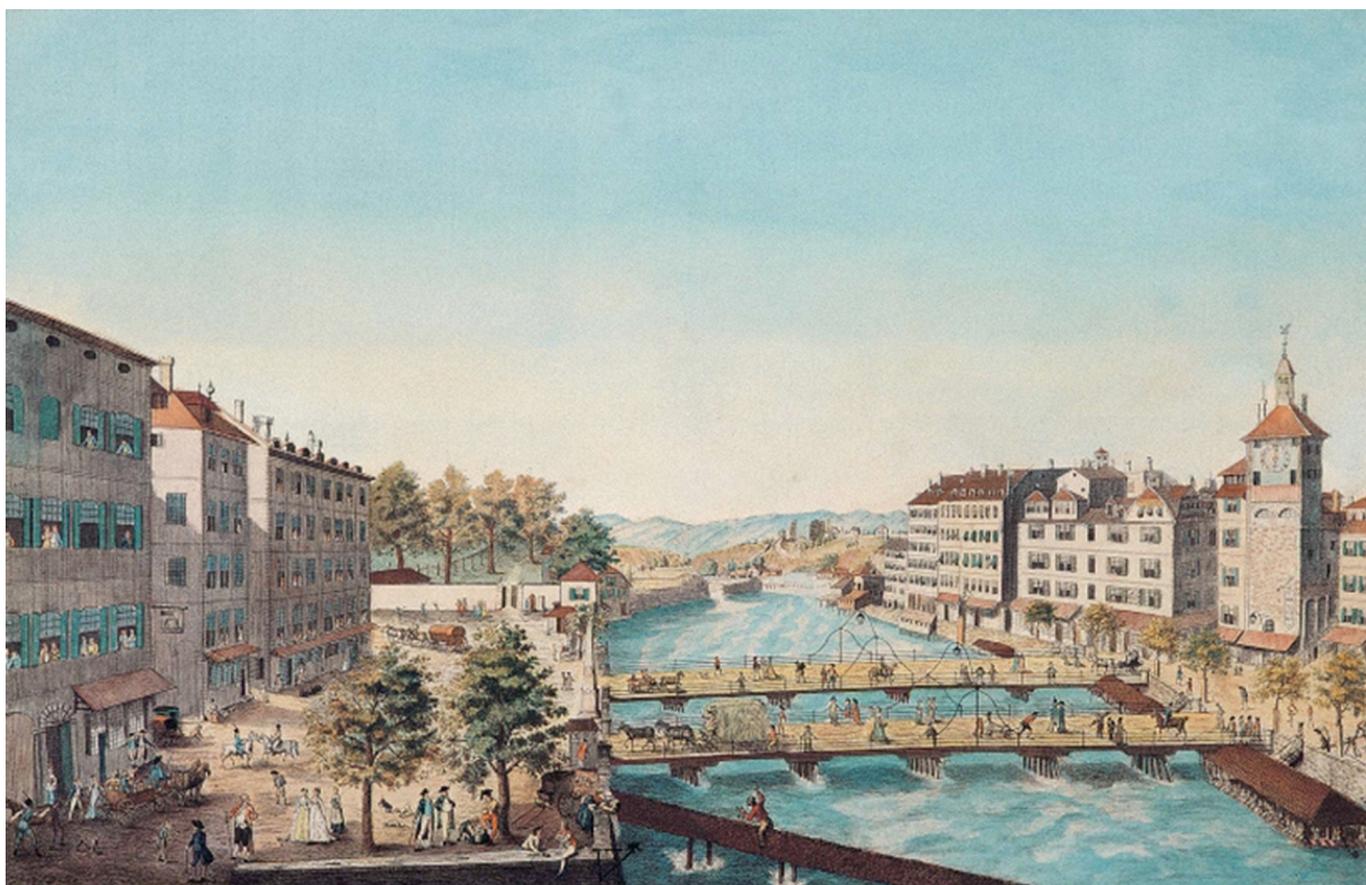
«Ничего лучшего я не видывал», - писал Гоголь об альпийских пейзажах. Водопад «Писающая корова» в кантоне Вале. Цветная гравюра XIX века из коллекции автора.

Вот, например, описание восхождения на Монблан: «Видов такая бездна и таких великолепных, что писать в письме о них нет возможности. <...> Целые ледяные стены, сквозь которые просвечивает солнце, висят вокруг. Иногда слышатся трещины с таким сильным звуком, как удар грома, и потом целая лавина летит вниз, - и сверху слышен весь гром, который она производит, катаясь по горам и низвергаясь в долину». Заканчивается письмо, как и предыдущее, изъявлениями любви и почтения: «Прощайте, почтеннейшая маминька, до следующего письма. Целую вас, остаюсь ваш признательный сын».

Решив переехать из Женевы в Веве, Гоголь пишет Марии Ивановне подробное письмо, в котором не признается в напавшей на него хандре, а забавляет описанием курьезного лечения, которым «пользуют» себя здесь некоторые путешественники. «Теперь я еду в Веве, маленький городок недалеко от Лозанны, - пишет он. - В этом городе съезжаются путешественники, и особенно русские, с тем чтобы воспользоваться виноградным лечением. Этот образ лечения для вас, верно, покажется странным. Больные едят виноград и ничего больше кроме винограду. В день съедают по несколько фунтов, наблюдают диету, и после этого виноград, говорят, так делается противен, что смотреть не захочется».

В письмах к матери почтительный сын старался создать иллюзию счастливого путешествия, дабы она не беспокоилась о его душевном состоянии. На деле же

пребывание в Швейцарии очень скоро доставляет Николаю Васильевичу скорее разочарование, чем радость. Из его гораздо более откровенных писем друзьям становится ясно, что не прошло и месяца, как от первых восторгов не осталось и следа. Даже красота природы уже раздражала его. Так, в конце сентября 1836 года он отправляет подробное письмо своему близкому другу Николаю Яковлевичу Прокоповичу – поэту, редактору первого четырехтомного «Собрания сочинений» Гоголя. Вот отрывок из него: «Что тебе сказать о Швейцарии? Всё виды да виды, так что мне уже от них наконец становится тошно, и если бы мне попало теперь наше подлое и плоское русское местоположение с бревенчатой избушкой и сереньким небом, то я бы в состоянии им восхищаться, как новым видом. <...> Города швейцарские мало для меня были занимательны. Ни Базель, ни Берн, ни Лозанна не поразили. Женева лучше и огромнее их и остановила меня тем, что есть что-то столично-европейское».

Сначала Женева понравилась Гоголю и он нашел, что в ней есть нечто «столично-европейское». Цветная гравюра XIX века.

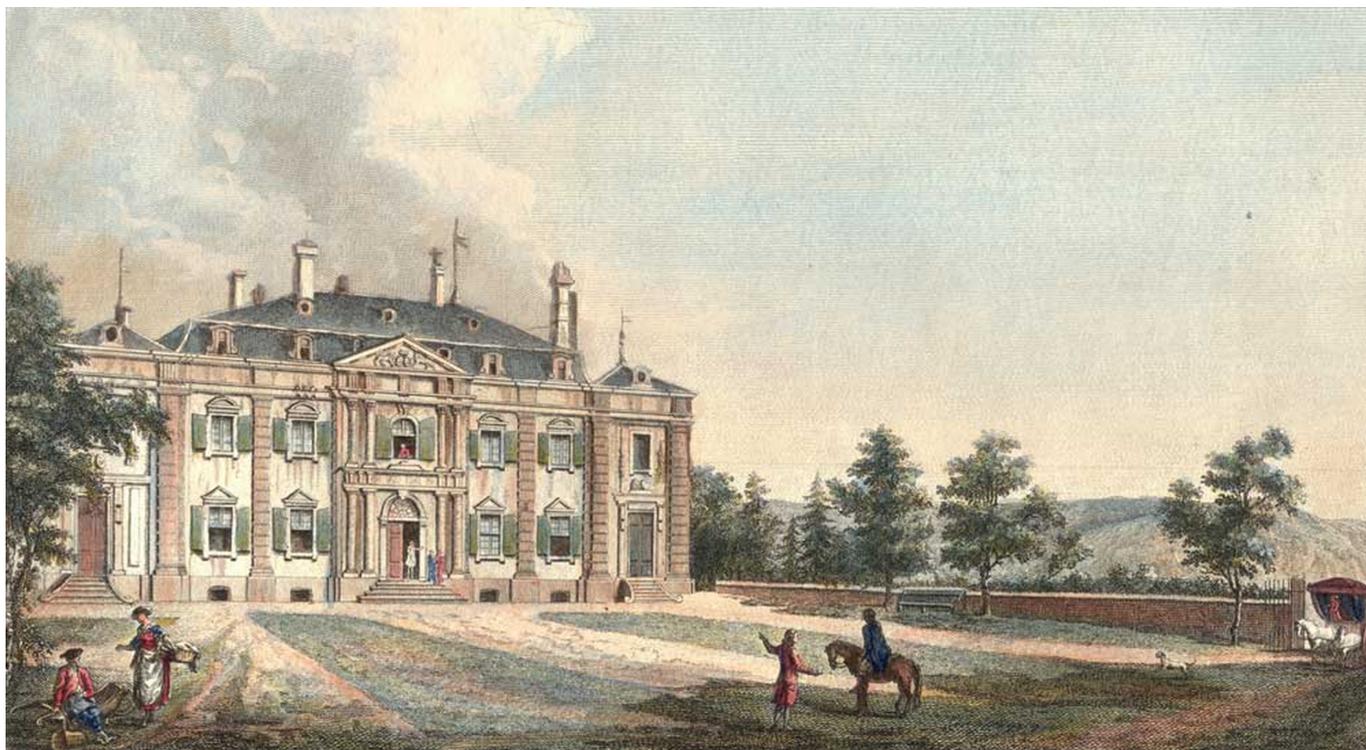
Находясь в Женеве, Гоголь не преминул отдать дань уважения человеку, дружбой с которым гордились коронованные особы, в том числе и российская императрица Екатерина II, состоявшая с ним в переписке. Речь идет, конечно, о Вольтере, имение которого в Ферне, небольшом французском городке в нескольких километрах от Женевы, после смерти философа стало местом паломничества всех его поклонников. Карамзин в своих «Записках путешественника» говорит о том, что не мог и представить себе, оказавшись в Женеве, не посетить места, где провел столько лет знаменитый вольнодумец: «Кто, будучи в Женевской республике, не почтет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из писателей нашего века?»

Следует отметить, что во времена Гоголя интерес к Вольтеру как к писателю в

России значительно снизился и появились отчетливые признаки охлаждения к его философии. В письме к Прокоповичу Гоголь рассказывает о своем посещении Ферне с легким налетом иронии, без всяких пиететов в адрес «фернейского патриарха», которого Николай Васильевич называет не иначе как «старик» и отмечает, что тот «хорошо жил». Описание настолько мастерское, что кажется, вот сейчас откроется дверь и комнату в комнату войдет «старик в знакомом парике, с отстегнутым бантом».

Однако самое интересное поджидает нас не в доме, а в саду. Описав чудесный парк и отметив, что «старик знал, как его сделать», мы узнаем, что, прогулявшись по аллеям, Николай Васильевич «вздыхнул и нацарапал русскими буквами мое имя, сам не отдавши себе отчета для чего».

Где же находится это «нацарапанный» автограф? Ответ мы находим в воспоминаниях хорошего знакомого Гоголя – известного литературного критика, историка князя Петра Андреевича Вяземского. Князь Вяземский, побывав несколько позднее в Ферне, оставил очень подробный рассказ о своем визите, так описывая ущерб, нанесенный дому и саду посетителями: «Они, и вероятно наиболее из орды Англо-Саксонов, ободрали занавески, окружавшие кровать Вольтера, так что не осталось ни одного клочка. Есть в саду вяз, посаженный самим Вольтером. Он так изувечен и ободран, что прошла молва, что его обожгло молнией. По ближайшему следствию и достоверным справкам оказывается, что кору слупили с него те же ордынцы-туристы. Теперь дерево обведено защитительною оградой». Как бы удивился Вяземский, узнав, что Гоголь, если и не ободрал кору со знаменитого вяза, то запечатлел, скорее всего, именно на этом дереве свое имя.

Поместье Вольтера в Ферне. Где-то в парке Николай Васильевич «нацарапал» свое имя. Цветная гравюра конца VIII века.

У Николая Васильевича вообще была странная потребность оставлять свое имя, как бы теперь сказали, в знаковых местах. Показательно в этом смысле письмо А. С. Данилевскому – приятелю, с которым он начал свое заграничное путешествие, но

расстался в Германии и потом обменивался письмами: «Я провел время как-то так, бог знает как. Более месяца слишком прожил в Женеве (если ты когда-нибудь будешь в сем городе, то увидишь в памятнике Руссо начертанное русскими буквами к тебе послание)». Вероятно, в данном случае Гоголь шутил и на самом деле не оставлял автографа-граффити на самом известном памятнике Женевы. Но в ноябре того же года в письме к В. А. Жуковскому Гоголь делится своими впечатлениями о жизни в Ве́ве и сообщает, что не преминул побывать в тех местах, которые незадолго до этого посетил Василий Андреевич: «Сначала было мне несколько скучно, потом я привык и сделался совершенно вашим наследником: завладел местами ваших прогулок, мерил расстояние по назначенным вами верстам, колотя палкою бегавших по стенам ящериц, нацарапал даже свое имя русскими буквами в Шильонском подземелье, не посмел подписать его под двумя славными именами творца и переводчика «Шиль<онского> Узник<а>»; впрочем, даже не было и места».

Гоголь немного кривит душой, когда пишет, что не посмел поставить свое имя рядом с именами Байрона и Жуковского. На самом деле его автограф, нацарапанный в Шильонском замке, должен был заявить о нем, как о писателе, чья подпись достойна красоваться рядом с именами его кумиров. Именно в этот момент Гоголь вновь начал работу над «Мертвыми душами», произведением, которое, он был уверен, сделает его воистину знаменитым. О чем и извещает Жуковского: «Швейцария сделалась мне с тех пор лучше, серо-лилово-голубо-синерозовые ее горы легче и воздушнее. Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя».

Ве́ве, куда женевские «холода и ветры выгнали» Гоголя. Цветная гравюра XIX века из

коллекции автора.

Почему Гоголь перебрался из Женевы в Веве? Сделал ли он это в надежде обрести там вдохновение? Нет, дело не в этом, а в климате. Вот как он объясняет свое решение Прокоповичу: «В Женеве я прожил больше месяца, но наконец не стало мочи от здешнего глупого климата. Ветры здесь грознее петербургских. Совершенный Тобольск. Еду теперь в маленький городок Веве, который находится на этом же озере недалеко от известного тебе замка Шильона. Там климат совершенно другой, потому что с севера заслоняет гора».

Эта же причина переезда фигурирует и в письме к Жуковскому: «Женевские холода и ветры выгнали меня в Веве». Еще раньше, чтобы не расстраивать мать, в очень осторожной форме он пожаловался на женевский климат и ей: «Женева хотя велик и хорош город и можно в нем провести время веселее нежели в других окружающих местах, но не по мне, ветров много и слишком ощутительна сырость в воздухе».

Из письма Данилевскому мы узнаем о том, как проводил Гоголь время в Веве. «Каждый <день> ровно в три часа, - пишет он, - я приходил, вместе с немногочисленными жителями Веве, звать на пристававший к берегу пароход, где каждый раз я думал встретить тебя, и каждый раз вылезали только англиши с длинными ногами, после чего я чувствовал почти полчаса какую-то бесчувственную скуку и уходил ее разветривать в мои прекрасные горы».

CHILLON.

Но вдохновения и энтузиазма Гоголю хватило ненадолго. В Веве похолодало, от «бесчувственной скуки» уже невозможно было удрать в горы, и писатель рвался как можно скорее покинуть Швейцарию, всем сердцем стремясь домой. «Мне представился Петербург, - сообщает он Жуковскому. - Наши теплые дома (так в тексте - Н.Б), мне живее тогда представились вы, <> и мне сделалось страшно скучно, меня не веселили мои Мертвые души, я даже не имел в запасе столько веселости, чтобы продолжить их».

Но в Россию Гоголь вернется не сразу, из Швейцарии он отправился в Париж, где узнал о смерти Пушкина - эта весть страшно поразила его. Потом будет Италия, которую Гоголь полюбит и где проведет в общей сложности почти десять лет жизни. «Вот мое мнение: кто был в Италии, тот скажи «прощай» другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю», - так он однажды напишет. Для Гоголя именно Италия, а не Швейцария окажется страной-сказкой, и в создание ее мифа он внесет неоценимый вклад.

От редакции: Все очерки Натальи Бегловой из серии "Легенда о швейцарском рае" для вашего удобства собраны в отдельное [тематическое досье](#).

[Швейцария](#)

Статьи по теме

[Гоголь объединяет Россию и Украину](#)

[У Швейцарии будет "свой" Гоголь](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/legenda-o-shveycarskom-rae-14-nikolay-gogol-vsyo-vidy-da-vidy-tak-chno-mne>